

Моногорода на Байкале: взгляд из Северобайкальска

В статье сопоставляются проблемы Северобайкальска как моногорода с кризисной ситуацией в Байкальске. Основной фокус: запрос городского сообщества на преодоление моностилизма, процессы диверсификации социальной и хозяйственной жизни города. В основе аналитических выводов автора – результаты полевого исследования в городе Северобайкальске в 2012 году (наблюдения и интервью), а также документов стратегического планирования сибирских моногородов.

Ключевые слова: ускоренная урбанизация, моногород, моностилизм, гражданское общество, диверсификация городской жизни, устойчивое развитие, Байкал

текст
Михаил Рожанский

Северобайкальск – город, которому положено было стать маленькой столицей большого края, но до столицы он не дотянул. Вернее, не дала дотянуть смена эпох. Несколько аккуратных улиц. Центральная – «проспект», – многоэтажная, а остальные застроить не успели. Улицы эти переходят в почти проселочные дороги, давно заасфальтированные и давно разбитые. По обеим сторонам дорог промзоны, а к промзонам жмутся щитовые времянки, которые здесь называют балки. Им больше тридцати, некоторым под сорок, они давно обветшали, всякая теплоизоляция давно пришла в негодность и в пятидесятиградусные морозы их надо накачивать теплом. Еще их много лет накачивают фекалиями, благодаря пристроенным разными способами туалетам, чтобы не бегать в те же пятьдесят градусов на улицу. В официальной справке горадминистрации обозначено, что это 30 процентов жилого фонда. Владелец и руководитель частной строительной организации (активной и успешной) сказал, что больше половины жилья в аварийном состоянии. Возможно, в официальных подсчетах в жилой фонд включают коттеджные поселки и более раннее индивидуальное строительство комфортабельного жилья.

Одно из первых впечатлений от города – обилие и разнообразие банковских офисов. Признаки места, где вращаются деньги, налицо. Столицей Северобайкальск не стал, но остался единственным городом на протяжении 1,5-2 тыс. километров БАМа. Он стал единственным местом городской жизни и «городских» услуг (от новогодней елки и ледяных горок на площади до банковских кредитов и вкладов) для большой территории. И плюс к этому оказался точкой, через которую выйдут к «большой земле» золотодобытчики из Бодайбинского района. Степень моего знакомства с городом не позволяет выносить суждения или транслировать услышанные мнения о характере и объемах теневой экономики и, тем более, криминальной составляющей в ней. За десять дней наблюдений, интервью и просто бесед в Северобайкальске я должен был решить вспомогательную задачу для исследования, в фокусе которого был Байкальск.

Работа в Северобайкальске проводилась на заключительном этапе, чтобы была возможность рассмотреть предварительные результаты, полученные в Байкальске, и сопоставить с тем, что происходит в другом моногороде на Байкале (и в другом административном регионе, поскольку Северобайкальск находится на севере Республики Бурятия). Проблемный контекст тот же, что в исследовании в Байкальске – процессы диверсификации городской экономики, жизненные и экономические стратегии жителей.

Основным методом полевой работы было интервью. Среди респондентов – предприниматели, которые считаются успешными (в строительстве и в сфере туриз-

ма); председатель комитета по экономике и инвестиционной политике администрации города; бывший кандидат в главы городской администрации, занявший второе место на последних выборах; депутат городской думы, много лет проработавший заместителем главы города по социально-экономическим вопросам; директор единственного высшего учебного заведения – филиала Иркутского госуниверситета путей сообщения; начальник отдела чрезвычайных ситуаций администрации города, руководители и инструкторы Школы туристическо-экологического образования. Мои собеседники, во-первых, принадлежат к разным поколениям, во-вторых, приехали в Северобайкальск в разные периоды его истории, а среди выросших в Северобайкальске молодых людей есть такие, кто вернулся в город после получения высшего образования, и те, которые никуда из родного города не уезжали. Кроме сбора материалов в самом Северобайкальске (12 интервью, фокус-группа, работа с документами, наблюдения), были проведены также интервью с преподавателями и студентами Бурятского государственного университета (Улан-Удэ), выросшими в Северобайкальске, и экспертами из Иркутска и Улан-Удэ. Кроме этого, к анализу были привлечены материалы электронных СМИ и официальные документы (комплексно-инвестиционные программы и другие), в которых рассматриваются проблемы моногородов, их современная ситуация и перспективы.

Особенности сибирских моногородов

К началу века ровно половину от общего числа сибирских городов – 82 из 164 (имеется в виду «большая» Сибирь) составляли города, возникшие после 1945 года¹. Сорок процентов всех сибирских городов были «ресурсными», то есть экономически жестко связанными с освоением природных ресурсов. Три этих множества – молодые города, моногорода и ресурсные города не тождественны, но в значительной степени накладываются друг на друга и типичный молодой сибирский город – это ресурсный моногород. Таким является и Байкальск. Северобайкальск ресурсным городом не является, но был и остается моногородом: его возникновение связано со строительством железнодорожной магистрали, а в настоящее время городская экономика определяется в большой степени железной дорогой и подразделениями РЖД – по доле в числе занятых, по объему оказываемых услуг (в денежном выражении), по налоговым поступлениям².

Для моногорода, как города молодого, характерны особенности формирования городского сообщества: а) сложное взаимодействие с градообразующим предприятием и патерналистской культурой; б) особая роль поколения первостроителей в общественной жизни, в формировании норм самореализации тех, кто

1. Лаппо Г.М. География городов. – М: «Владос», 1997, с.429-445
2. Из Комплексного инвестиционного плана социально-экономического развития моногорода Северобайкальск на 2010-2020 гг.: «Зависимость экономики города от градообразующего предприятия – Северобайкальский участок ВСЖД ОАО РЖД, с долей занятых 29,5 % от экономически активного населения и объемом поступления НДС в местный бюджет 48,9 %».

вырастает в новом городе; в) миф о «золотом веке» как основа городской идентичности. Все эти особенности выпукло представлены в современном Байкальске, и с некоторыми оговорками в Северобайкальске. Что касается ресурсных моногородов, то им присущ конфликт интересов, определяющий характер и состав борьбы вокруг вопросов о перспективах. Горожане заинтересованы в существовании и развитии предприятия, деятельность которого разрушает здоровье, резко снижает продолжительность жизни, наносит вред природному ландшафту, который, как правило, является одним из мотивов для выбора данного города как места жизни. В большинстве ресурсных моногородов этот конфликт был проявлен, и в той или иной степени осознан в середине 90-х годов, когда останавливалось или резко сокращалось производство на градообразующих предприятиях. В Байкальске до последних лет он носил латентный характер, но в настоящее время, когда работа комбината оказалась барьером для развития туризма – одной из самых обсуждаемых перспектив «выживания» и дальнейшего развития города, он выразился в нарастающей оппозиции городского сообщества комбинату. Данный конфликт интересов, его публичные проявления в последние десятилетия в различных точках Сибири ясно свидетельствуют о том, что у социально-экономического кризиса есть социально-антропологический аспект, связанный с экстенсивным характером экономического развития, с индустриализацией и урбанизацией Сибири. Одной из основных моделей индустриализации и урбанизации стали моногорода. Они же стали сосредоточием противоречий экстенсивного развития. В Северобайкальске проблема преодоления экстенсивного характера хозяйствования также осознается. Можно назвать, по крайней мере, две темы, проблематизирующие отношения между экономическим развитием и ландшафтом. Первая – приоритетные направления развития туризма – массовый или дорогой элитный, ограничивающий антропогенную нагрузку. Вторая – Холоднинское месторождение полиметаллов, освоение которого даст мощный импульс развитию города, но оно находится в центральной экологической зоне Байкальской природной территории, где запрещена всякая промышленная деятельность.

Молодые сибирские города отличаются друг от друга по модели формирования, но в любом случае они являются переселенческими сообществами, и основная часть «первого поколения» горожан – люди, сделавшие выбор в пользу нового места жизни ради решения своих материальных, социальных, экзистенциальных проблем. С одной стороны это поддерживает готовность к социальной мобильности, с другой – создает мощную основу для формирования городской идентичности, характеристики города как уникального, если не в настоящем, то, как минимум, в недавнем прошлом. Как правило, именно это противоречие создает канву биографических интервью и фон для ответов о жизненных планах.

Байкальск и Северобайкальск: сходство и различие
Непосредственно на побережье Байкала расположены три города, два из которых – Северобайкальск (25 тыс. жителей) и Байкальск (14 тыс. жителей) – являются молодыми. Северобайкальск моложе Байкальска на полтора десятилетия. Его возникновение связано со строительством БАМа, причем, одного из ключевых участков магистрали, на котором решались задачи

высокой сложности – строительство мостовых и тоннельных переходов в сложном рельефе и в зоне высокой сейсмичности. Поселок (с 1974 г.), а затем (с 1980 г.) город Северобайкальск был резиденцией строительных организаций, местом жительства высококвалифицированных специалистов. Кроме того, Северобайкальск стал основным пунктом снабжения Бурятского участка БАМа.

Байкальск в силу общественных дискуссий вокруг размещения комбината на Байкале не мог быть объявлен всесоюзной ударной стройкой. В отличие от него Северобайкальск был одним из самых привлекательных и известных мест на главной «ударной стройке» последнего периода советской истории³. На БАМе, в том числе в Северобайкальске не использовался труд осужденных, сюда ехали люди со всего Советского Союза, хотя «миф о рождении» особую роль в истории города и городской жизни отводит ленинградцам: метростроевцам, работавшим в составе строительных организаций, передислоцированных на строительство БАМа, ленинградским проектировщикам, «ленинградскому снабжению». Работа Байкальского комбината также была обеспечена квалифицированными кадрами из европейской России. И в том и в другом городе большую роль играла инженерно-техническая интеллигенция. Но само строительство комбината и города Байкальска, шло как с использованием принудительного труда, так и через привлечение экономическими стимулами и городскими условиями жизни молодежи преимущественно из соседних местностей и регионов.

Байкальск обладает хорошей городской инфраструктурой. Главная социальная проблема Северобайкальска (чаще всего называется респондентами независимо от возраста и вида деятельности) – сохранение жилья, строившегося как временное и ставшего ветхим (по разным оценкам – от 30 до 60% жилого фонда). В числе основных проблем в обоих городах называют проблему отъезда, вызванного экономическими причинами, и проблемы молодежи. Но если кризис в Байкальске определяется и извне, и самими байкальчанами как кризис моногорода и результат кризиса градообразующего предприятия, то социальные проблемы Северобайкальска в самом городе никак не связывают с зависимостью от железной дороги, с этой зависимостью связывают проблематичность перспектив.

Проблема диверсификации

Работа в Северобайкальске, знакомство с ситуацией в других моногородах, позволила расширить контекст исследования проблемы диверсификации.

Диверсификация осознана как необходимость и в экономически благополучных городах – для этого достаточно посмотреть планы развития, например, города Мирный или города Муравленко. Запрос идет не из хозяйственной жизни этих городов, а из нежелания городского сообщества (если угодно, «креативного класса» города) жестко зависеть от градообразующего предприятия. Процессы диверсификации – естественное продолжение развития городской культуры, реализация социальной энергии людей, которые в разное время решительно изменили свою жизнь, приехав на новое место жизни, стремление активной части горожан к городскому качеству жизни, то есть и к её, жизни, наполненности и разнообразию.

Интервью с теми жителями Северобайкальска, которые успешно изменили жизненные и профессиональные стратегии и освоили новые для себя виды дея-

3. «Чтоб попасть сюда, она после училища проходила стажировку на стройках области Ленинградской, а потом только был отряд сформирован «Комсомолец Ленинграда» и они приехали сюда. А у меня дочь, мы-то как бы местные же, /смеется/ пришла и говорит: «И зачем они сюда ехали-то?! Ничего понять не могу. С Питера здесь остались!» Причем, и живут-то тут. До сих пор живут в этих щитовухах» (педагог дополнительного образования, 57 лет).

5. Ближайший крупный поселок городского типа, район, в котором слабо развиты сферы торговли, услуг, городская инфраструктура и преобладает старая застройка.

6. В Бурятии тарифы на электроэнергию в 3-4 раза выше, чем в Иркутской области.

тельности, отчетливо указывают на две «болевы» точки, два узла, от развязывания которых зависит выход к новым возможностям: а) преодоление моностилизи́ма в городской жизни и в управлении б) обеспечение относительной автономности от интересов руководителей (собственников) градообразующего предприятия и решений, принимаемых ими. В Северобайкальске диверсификация городской жизни осознается как цель, как достижимый и достигаемый результат. И если видеть в диверсификации экономики основу устойчивого развития и условие для преодоления социально-экономических кризисов, то необходимо иметь в виду и обратную взаимосвязь: разнообразие городской жизни – условие и предпосылка для диверсификации экономики.

Возможности диверсификации респонденты, как из числа предпринимателей, так и муниципальные чиновники (бывшие и нынешние) связывают с ресурсами и привлекательностью Северобайкальска как «кочага» городской культуры. Единственный город на отрезке магистрали примерно в 1,5 тысячи км, он выполняет функции «культурного гнезда», торгового, банковского и сервисного центра:

«У нас город. И близко ничего нет, только г. Бодайбо, а это означает, что мы - центр. К нам приезжают за товарами, за услугами. Получается денежная масса около 4 млрд. руб. в год, из которой выплачивается зарплата и т.д. То есть выходит у нас происходит приток денег. У нас также есть второй блок – это туризм, хоть и не до конца развит, но приток денег есть. К нам приезжают на лечение, на Байкал, есть к нам интерес как к туристическому месту. Люди приезжают и оставляют деньги. Данную денежную массу мы все делим на предпринимателей, парикмахеров, таксистов и т.д. в этом смысле мы получше, чем Нижнеангарск⁴, там намного хуже» (из интервью с председателем комитета по экономике и инвестиционной политике администрации города)».

Предприниматели открыто говорят о монополизме РЖД на территории, приводят примеры неравной конкуренции и с этих позиций рассматривают свою собственную деятельность как социально значимую для города. Чиновники, естественно, более сдержанны и не так открыты в оценках, но опасности и экономические проблемы, связанные с зависимостью города от железной дороги так же хорошо видят. Вот цитата из того же интервью:

«Ну, жаловаться на них, если честно, грех. Вкладываются в инфраструктуру, у нас имеются детские сады, дом культуры, профилакторий, спортивные залы, больница, поликлиника. Вся инфраструктура они сами содержат.

В: то есть вообще они социалку не сбрасывали?

О: сбрасывают потихоньку, раньше у нас был ДЮСШ, сейчас он стал муниципальный. Сейчас они его объединили. Раньше железнодорожная школа № 11 была их, наша котельная, за счет которой отапливается весь город, а это 2-х месячный запас угля, электричество, они его покупают по ценам Иркутской области, а мы уже покупаем по Бурятским ценам⁵».

Туризм в городе на Байкале

Центральные идеи комплексно-инвестиционных планов, принятых городскими администрациями Северобайкальска и Байкальска – реструктуризация городской экономики через развитие туристической отрасли. Но если в Байкальске туризм рассматривается как некоторый локомотив, который может вывести

город из кризиса и обеспечить занятость горожанам, а в перспективе стать одной из основных сфер городской экономики (другие перспективы предполагаются, но не прорабатываются), то в Северобайкальске тема развития туризма как актуальная рассматривается теми, кто уже занят так или иначе в туристическом бизнесе, и как перспективная – теми, кто планирует городское развитие.

Из КИП социально-экономического развития Северобайкальска на 2010–2020 гг.: *«Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что основной отраслью диверсификации экономики города является туризм. Развитие туристско-рекреационного комплекса будет увеличивать спрос на продукцию предприятий малого бизнеса города. Также перспективным направлением является развитие мини-производств, сферы услуг и производство стройматериалов».*

«Для осуществления задуманного очевидно, что необходимо создать условия для развития туризма, площадку для рационального функционирования структур туристской деятельности».

Разнообразие уникальных природных, этнографических и исторических объектов, которые являются или могут стать предметом туристических услуг, примеры успешных проектов в сфере принимающего туризма делают туризм центральной темой при обсуждении вопроса о перспективах города. Как основной барьер для развития туризма рассматривается проблема транспортной доступности, делающая туризм (как дорогу, так и услуги) дорогостоящими. Ситуация симметрична проблемам развития туризма в Байкальске, где степень транспортной доступности высока, но мало разнообразие предоставляемых услуг, в том числе для «организованных» туристов, и слабо проработаны конкретные проекты. Объединяющей ситуацией с развитием туристической отрасли в двух городах является её зависимость от внешних административных решений: нерешенность судьбы комбината в Байкальске и невнимание к перспективам Северобайкальска со стороны властей республики Бурятия. В обоих городах значительный ресурс для развития туристических проектов – гипотетическое взаимовыгодное сотрудничество властей двух регионов, но сегодня оно кажется недостижимым и зависимость перспектив города от администрации соседнего региона рассматривается как почти непреодолимый административный барьер. Кроме того, и там и там, у местного бизнеса проигрышные позиции в конкуренции с московскими туроператорами, в том числе и потому, что у последних больше возможностей обеспечить поддержку местных властей.

Кризисный дискурс, отрицательная селекция

Планируя исследование в Северобайкальске, мы рассчитывали получить для сравнения материал об экономической активности людей в городе, вышедшем из кризиса, о реализации индивидуальных экономических стратегий в социально и экономически стабильном моногороде. Период кризиса, основываясь на чтении газет, журналов и официальных документов, мы относили к середине и второй половине 90-х годов. Но кризис, обозначенный кривыми на диаграммах, и острое ощущение кризиса, о котором говорят горожане, не совпадают по датировке. Благодаря Северобайкальску понятно, что основания для ощущения кризиса (кризисного дискурса) коренятся не только в показателях градообразующего предприятия. Есть и другие, причем, типологические для моногородов

основания:

а) Сжатие – оборотная сторона ускоренной урбанизации, а Сибирь – самый урбанизированный регион России. Со стороны сжатия города можно рассматривать как условие его устойчивого развития, а в случаях Байкальска и Северобайкальска еще и как снижение нагрузки на байкальское побережье. Но в самих «убывающих городах» убывание населения воспринимается драматически.

б) «Вымывание культуры», если использовать формулу, прозвучавшую в одном из интервью в Северобайкальске с человеком, живущим в городе с 1980 года. На язык социологии это можно перевести термином «отрицательная селекция»:

«Здесь остались БАМовцы, может, не самые активные, они постарели, ушли на пенсию, ехать некуда, причем многие с Украины, Белоруссии, со всего Союза, ехать некуда. Это были не самые активные люди, активные уехали, которые могли. Высокая степень алкоголизма, высокая степень пенсионеров, город постарел. Железнодорожники сократились. Скажем так, они в рамки все же пришли, что железная дорога работает и все. Дальше бюджетники, всех мастей и окрасок, образование, здравоохранения и т.д., неустроенность, процент старого города соответственно вытягивает больший процент на коммуналку в бюджете, молодежь фактически не задерживается, кто более или менее успешный в учебе, они стараются уехать. Город стал менее привлекательный со всех позиций» (руководитель и владелец большой частной строительной фирмы, 54 года).

При анализе интервью видно, что пессимистические оценки даются на фоне мифа о «золотом веке» города. Но достаточно убедительны и те социальные факты, на которые ссылаются при аргументации.

Выводы

Сравнительное исследование двух моногородов на Байкале и анализ ситуации в ряде других сибирских моногородов показывает, что один из существенных факторов, влияющие которого на развитие города сопоставимо со всей совокупностью факторов экономических – это отрицательная селекция и в основе этого явления не только экономические причины, а для его преодоления важны не только экономические рычаги. Отмечу несколько ключевых пунктов:

1) Основа развития города – городское сообщество, а не только градообразующее предприятие. Молодые города – точки роста гражданского общества, и на эти традиции необходимо опираться, развивая демократию участия, придавая особое значение прозрачности муниципального управления.

2) Образовательные возможности в молодых городах не расширяются, а сужаются благодаря тому, что министерство образования решает проблему повышения качества высшего образования через закрытие недавно созданных образовательных учреждений, не накопивших достаточных ресурсов для соответствия формальным показателям. При этом игнорируется социальная роль образовательных институтов в молодых городах по воспроизводству «креативного класса», не принимается во внимание проблема доступности разнообразного профессионального образования. Как результат, эта политика работает на воспроизводство монопрофильности города. Достаточно ясно это можно увидеть и в Байкальске, и в Северобайкальске. Молодые города (и моногорода в том числе), где, как правило, существует развитая система среднего образования (Северобайкальск и Байкальск подтверждают

это правило), могут стать площадками для развития образовательных моделей, сочетающих дистанционные формы с традиционными.

3) Особую роль в молодых городах играет система дополнительного образования. В Северобайкальске яркий пример – Школа туристическо-экологического образования (ШТЭО, бывшая Станция юных туристов), в которой сформировалась лидерская группа из бывших выпускников. ШТЭО развивается как значимый для города сетевой социальный институт, является инкубатором перспективных проектов по развитию экологического массового туризма, дает профессиональное (по качеству) образование для квалифицированной работы на туристических маршрутах. Поддержка такого рода образовательных структур необходима для воспроизводства «креативного класса» в молодых городах.

4) Проблема устойчивого развития при диверсификации – это и проблема нахождения баланса открытости/закрытости городского сообщества в целом, и социальных институтов. Несмотря на то, что городское сообщество формировалось как переселенческое, в молодых городах есть факторы «закрытости», связанные с мифом о «золотом веке», и волновым характером иммиграции (строительство предприятия, функционирование и рост предприятия, приток из сельской местности во время кризиса 90-х годов и т.д.). Эти факторы с разной активностью участвуют в процессах диверсификации городской социальной жизни и экономики. Нормы, основанные на дихотомии свои/чужие, проявляются и в виде стереотипов – мировоззренческих, этнокультурных и т.д., блокирующих интеграцию экономических и социальных инициатив, что обедняет ресурсы города. Наиболее существенны и болезненны для развития а) отношение к экономической иммиграции; б) дидактическая позиция по отношению к молодежи. Преодоление моностилизма предполагает социальную политику, нацеленную на смягчение проблемы, на создание социальных институтов знакомства, сотрудничества, конструктивной солидарности, как в виртуальном, так и в реальном пространстве.

5) Ключевым фактором устойчивого развития малого города является утверждение и распространение привлекательных моделей жизни, акцентирующих блага, недоступные в мегаполисах – единство культурного и природного ландшафта, ритм жизни без транзита и т.д. Вот высказывания из стенограммы фокус-группы (с активом ШТЭО в Северобайкальске):

«Я лучше по нашим джунглям бродить буду, чем по каменным»;

«Да, мне нравится, что здесь маленький лесной, шумный городок. Что здесь все друг друга знают. Можешь спокойно выйти и знаешь, что тебе ни чего не будет, не опасешься. А в большом городе...».

Это высказывания молодых людей (18 и 27 лет), один из которых не собирается покидать город, а другой вернулся после получения высшего образования. К ним можно прибавить схожие цитаты из интервью с одним из руководителей городской администрации, который вырос в Северобайкальске и вернулся в город через полтора десятилетия после окончания школы, уже будучи успешным карьерным управленцем.

Аналогичная аргументация щедро представлена и в биографических интервью, полученных в Байкальске, у людей разного возраста и судьбы – в том числе и вновь приехавших. «Собирание» городом людей, для которых привлекательны модели жизни, органичные этому городу – процесс, диаметрально противоположный отрицательной селекции. Это дает один из четких ориентиров для социальной и экономической политики в городе – поддержание и распространение подоб-